

Главному режиссеру РАМТа – 60

Режиссер Алексей Бородин – фигура в нашем театре особая. Можно было бы уточнить – в театре для детей и юношества. Его в отличие от многочисленных коллег по “делу детской радости” это уточнение никоим образом не уязвит. И даже не оттого, что вся жизнь связана с юным зрителем, сначала – Кировский ТЮЗ, потом, вот уже 20 лет, – Центральный детский, ныне – Российский Молодежный театр. А оттого, что в Бородине нет “тюзовского” комплекса, столь ощутимого в многочисленных его собратьях. К слову сказать, большинство из них блестящи и театрально самодостаточны. Однако советский шлейф “особых” к детскому театру требований при постоянном уверении в важности и необходимости мешал им жить и атактистически мешает до сих пор. Бородин же производит впечатление человека, которому ничто не мешает. Ни идиотские принимающие комиссии, больше года не пускавшие на сцену его спектакль “Ловушка № 46, рост второй” Ю.Щекочихина – за опасно узнаваемые реалии жизни. Ни оглядка на публику: решил однажды играть “Отверженных” В.Гюго в два вечера (почти всю книгу целиком) – и играют до сих пор, собирая битком набитые залы. Ни злостный

вом Бенедиктовым, то, что играют актеры, окрашено “семейным” мировоззрением, и каждый новый спектакль Бородина вне зависимости от степени творческой удачи вырастает в некое художественно-нравственное волеизъявление. Редкий в современном театре случай!

Скупой на саморекламу Бородин написал не так давно замечательную книгу о своей семье. Это генеалогическое древо, произросшее на скудной харбинской почве, оказалось уникальной популяцией российского интеллигентского духа. Источники и составные части бородинской жизни в искусстве, его глубоко духовной и человеческой режиссуры нашли наконец вполне “научное” объяснение.

Даже ошибки главы РАМТа есть, по сути, результат абсолютной цельности его натуры. Ибо обнаруживают честность и мужество в деле их исправления. Несколько лет назад ему довелось поработать в Исландии, где он поставил один из самых сильных и глубоких своих спектаклей – “Отцы и дети” Тургенева, – а затем и “Бесов” Достоевского. Европейская слаженность работы исландского театрального организма поразила воображение россиянина. По сравнению с ней рамтовское хозяйство

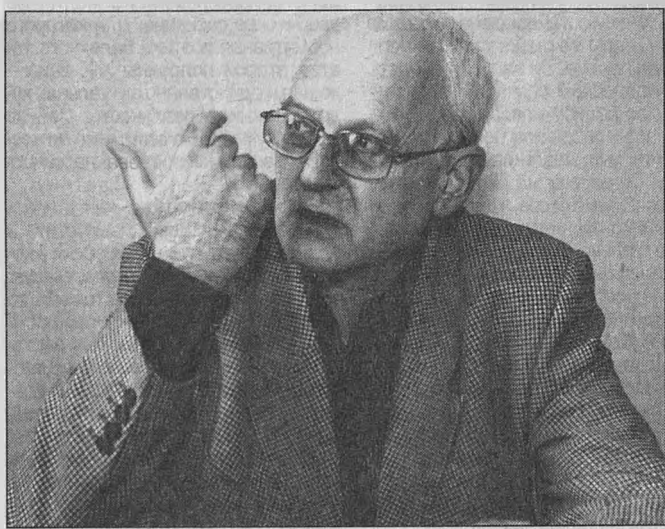

Фото И. КАЛЕДИНОЙ

А.Бородин

школьный культпоход – в его театре с ним давным-давно расстались самым простым способом: спектакли делают, интересные равно и родителям, и детям. Ни скудное финансирование РАМТа, находящегося в почетном федеральном подчинении. За двадцать лет пребывания в должности худрука Алексей Бородин с тихой и безоговорочной последовательностью строил театр-семью. Переехал в 1979 году из Кирова в Москву со своей “командой” – директором Владимиром Уриным, завлитом и режиссером Еленой Долгиной, несколькими актерами – и... не стал “переставлять мебель”. При внешней мягкости, при отсутствии медального подбородка и зычного голоса, он стал в своем театре настоящим хозяином. Хозяином Дома, где сосуществование актерских поколений из проблемы превратилось в дополнительное достоинство, где внутренняя дисциплина достигалась не приказами и окриками, а счастливой потребностью участвовать в общем деле. И.Воронов, М.Андронов, Ю.Балмуков, Е.Дворжецкий, А.Серов, Е.Редько, И.Исаев – перечисленные по возрасту от “большого” к “малому” актеры-мужчины в равной степени отвечали и отвечают за облик своего Дома, ибо режиссер раз и навсегда определяет каждому важную долю участия. То же и с женщинами, которым позволены легкие капризы. До определенной отметки. Бородин только кажется мягким и обтекаемым – его руководящая рука жестка и мускулиста. Завсегдатаю РАМТа, этого едва ли не самого в Москве гостеприимного театра, открывается то, чего не понять при одноразовом набеге на премьеру. Аура “Отверженных” или “Короля Лира”, “Больших надежд” или “Марсианских хроник”, “Береники” или “Лоренцаччо” – явление не только художественного порядка. Пристрастие Бородина к хорошей классической литературе, к ее подробно, вдумчивому чтению умножается на его же самочувствие, возникающее за пределами сцены и зрительного зала. Атмосфера взаимоотношений в труппе неизменно насыщает сценическое пространство. То, что сочиняет режиссер вместе со своим постоянным соавтором художником Станисла-

показалось разболтанным и несерьезным. “Забуревший” в Европе режиссер, вернувшись домой, решительно меняет патриархальную дирекцию своего театра на “современную” и “продвинутую”. Увы, европейские стандарты в российском прочтении частенько не только меняют очертания, но и корежат суть. Год чуждого администрирования и скороспелых “проектов” чуть было не стоил РАМТу потери главного – атмосферы и веры. Ответственность за происшедшее Бородин полностью взял на себя. И с головой окунулся в новую работу – “Лоренцаччо” А. де Мюссе, спектакль, в котором занял львиную долю своих актеров. В это же время не переставал думать о молодой смене, о необходимости новых ритмов и интонаций. Новых, но обязательно своих, не заимствованных. Пока вызревала грандиозная романтическая драма Мюссе, на сцене РАМТа родились хулиганский “Севильский цирюльник” С.Алдонины, изобретательный “Принц и нищий” Н.Крутикова, изысканная “Шинель” Н.Чусовой – спектакли молодых. Сам Бородин успел заново поставить пронзительный “Дневник Анны Франк”, на основе дипломного спектакля своего предыдущего курса в РАТИ, с великолепной Чулпан Хаматовой в заглавной роли. Курсы Бородина – отдельная тема. Нынешний, выпускной, вновь собирает в Учебном театре ГИТИСа полные залы, поражает студийным азартом и обилием разнообразных актерских индивидуальностей.

А “Лоренцаччо” вздыбил пространство классического рамтовского зала. Зрители – на сцене, актеры – в партере, в ложах, на балконах и ярусах. Наэлектризованная смутной Флоренция, мрачная романтическая тайна, жестокая изысканность итальянского карнавала и мудрая российская печаль – все сошлось в этом удивительном спектакле. Бородин стал другим – стремительным, жестким, дерзким. И все же остался прежним – сосредоточенным, несуетливым, глубоко чувствующим. “Лоренцаччо” – спектакль большого стиля. Этот стиль – к лицу и Российскому Молодежному, и его главному режиссеру.

Наталия КАМИНСКАЯ